4.1.2. Низы не хотят жить так дальше. Бунт в Новочеркасске

18 марта 1962 г. состоялись очередные выборы в Верховный Совет СССР. В Москве, в Калининском избирательном округе, где баллотировался Н.С. Хрущев, 99% избирателей проголосовало до 4 часов дня. На многих бюллетенях были оставлены хвалебные надписи. Например, такие: «Слава тебе, дорогой, большой русский человек!». Или: «Голосуя за вас, мы уверены, что вы вместе с нашей партией добьетесь подъема сельского хозяйства»{1867}. А.В.

Ланцова на избирательном участке № 6 благодарил за пенсию и благоустроенную комнату{1868}. «Как рабфаковец за рабфаковца» проголосовал на избирательном участке № 2 А.И. Волков. За то, что Хрущев «только один и может пробивать каменные стены бюрократизма», благодарил его на избирательном участке № 13 А. Новиков{1869}. Гордость за то, что ему «пришло счастье голосовать за великого борца за мир», выразил на избирательном участке № 49 пенсионер Артюхов{1870}. Свою во многом типичную биографию советской выдвиженки подробно изложила на избирательном участке № 65 пенсионерка Савина, закончив ее следующим пассажем: «И сейчас перед урной целую ваши инициалы и шлю большое спасибо за обеспеченную старость»{1871}.

В ряде надписей и в отдельно опущенных записках излагались просьбы, пожелания и предложения снизить цены на обувь, детскую одежду и продукты питания (особенно на хлеб), изыскать возможности для повышения зарплаты учителям и врачам, уделить больше внимания строительству детских садов и яслей, отменить ночные смены на производстве, наладить добрососедские отношения с Китаем и т. п. Вместе с тем (впрочем, как и на всех предыдущих выборах), не обошлось и без надписей, которые, по мнению столичного горкома партии, выражали «нездоровые, отсталые настроения»{1872}.

Сколько таких было вообще по округу, не сообщалось. Но приводились сведения по отдельным избирательным участкам. В 42-м, например, на 8 панегириков («К тебе сердца и взоры мира с любовью все обращены» и т. п.) приходился 1 вопрос («Когда же народ-победитель, народ-созидатель, великий труженик русский народ будет хорошо жить?») и 1 протест. В соседнем 43-м участке – на 9 восхвалений – 1 просьба и 1 осуждение («Первый раз в жизни голосую против советской власти – очень трудно жить»){1873}.

«Молодец, Никита Сергеевич!» – хвалил один избиратель на участке № 20, излагая просьбу к главе правительства беречь себя во время поездок в чужие страны. «И еще есть мысль, идет ли подготовка по достойной вашей замене?»{1874}. О необходимости «большей демократизации выборов, особенно в местные советы, чтобы было по два кандидата», рассуждал другой поклонник кандидата в депутаты на избирательном участке № 24. С ним заочно полемизировал автор записки, обнаруженной на участке № 41: «Лучше голосовать за одного хорошего, чем выбирать из двух плохих, как это делается у наших бывших “друзей” – американцев»{1875}. Еще один благодарил «за все», но полагал необходимым рекомендовать более гибкую политику по отношению к Америке{1876}.

Судя по запискам, оценки кандидата в немалой степени определялись отношением того или иного человека к покойному вождю и учителю. «Молодец Никита Сергеевич! Уже одно то, что ты развенчал дутое величие Сталина, достойно доверия народа», делился своим мнением один избиратель{1877}. «Преклоняюсь, но не идолопоклонствую», сообщал другой. Третий умолял: «Не повторите путь Сталина!»{1878}. Четвертый выражал пожелание «поменьше говорить о культе личности и о себе тоже»{1879}. Пятый, соглашаясь, что Хрущев – достойный кандидат, и сообщая, что голосует «за», предлагал тем не менее «возвратить старых работников партии – Маленкова, Кагановича и т. д.»{1880}. Выражая пожелание «здоровья и успехов в труде» Хрущеву, один из его избирателей делился с ним своей надеждой на счастливое будущее: «Ведь мой внук Андрюшка – ему 4 месяца – будет жить при коммунизме!»{1881}.

Далеко не все, однако, были такими розовыми оптимистами. Ждать от «Никиты манной каши», – полагал некто с избирательного участка № 40, – это все равно, что ждать «от козла молока»{1882}. Свое неверие в строительство коммунизма еще один пессимист обосновывал следующим, далеко не оригинальным способом: «Слишком много доверили жидам. А жид, что жулик, прохвост и профинтей»{1883}.

Гораздо большее количество избирателей волновали не наличие или отсутствие внешних и внутренних врагов, а вопросы насущного бытия. Те, кто уже улучшил свое жилищное положение, воздавали кандидату хвалу. Но еще много было тех, кто продолжал прозябать в тесноте и мало приспособленных помещениях. «Просим помочь в жилплощади!» – умолял один{1884}. «Думайте о своих избирателях, чтобы они не жили в бывших конюшнях, в аварийных бараках», – взывал другой. «Больше стройте отдельных квартир, с соседями жить очень плохо», – призывал третий{1885}. «Когда же будет решена жилищная проблема?» – проявлял нетерпение четвертый{1886}. «Вы еще не сделали ни одного снижения цен, время...

улучшать материальное положение трудящихся», – упрекал пятый. «Почему нет снижения цен на промышленные товары и продовольствие?.. Нельзя же все внимание уделять только спутникам и ракетам», – вторил ему шестой. «Хороший ты мужик, да хорошо бы денежек нам прибавил», – бесхитростно рассуждал седьмой{1887}. «Хватит существовать! Дай жизнь русскому народу!» – требовал восьмой{1888}.

Негодование анонимного избирателя на участке № 58 вызывало отсутствие религиозной литературы и то, что во многих отреставрированных церквях не разрешается служба. «Ведь свобода...» – недоумевал он. И вопрошал: «Почему многие продукты, а главное – сахар, конфеты и ширпотреб – не довоенные на них цены?.. Почему нет полной свободы колхозникам разводить всякую скотину!!!»{1889}.

Недовольство определенного числа граждан проявлялось не только в надписях на бюллетенях и в опущенных вместе с ними в урны записках. По сведениям КГБ в Москве, Ленинграде, Ростове, Таллине, Серпухове, Пскове, Вологде, Иванове и Калининграде были обнаружены листовки с призывами не отдавать свои голоса за кандидатов в депутаты. В Таллине и Кингисепе было сорвано 6 государственных флагов{1890}. В Томской области имелись случаи отказа от голосования иеговистов, а два избирателя, получив бюллетени, тут же демонстративно сожгли их{1891}. Нежелание голосовать объяснялось не одними религиозными мотивами. Кто-то опасался, что бюллетени с вычеркнутыми кандидатами не только не будут учтены при подсчете, но и поступят в распоряжение «органов» для установления личности осмелившихся голосовать против. А такие опасения отнюдь не были безосновательными. Например, в одном избирательном участке Златоуста председатель избирательной комиссии пронумеровал все бюллетени в том же порядке, в котором избиратели были внесены в списки. И большинство избирателей голосовали пронумерованными бюллетенями{1892}.

Подобные порядки организации и проведения выборов, а также частичной фальсификации их результатов имели место и в других местах. Но это была своего рода подстраховка. Более действенным методом привлечения граждан к избирательным урнам и к позитивному голосованию было создание для них атмосферы настоящего праздника, на котором можно было отведать и хлеба, и зрелищ. На улицах и площадях гремела музыка. В зданиях, где размещались избирательные участки, устраивались буфеты с дефицитной снедью. А так как ее хватало только до полудня, то основная часть избирателей предпочитала побывать там пораньше, чтобы успеть отовариться. Само же поведение их в кабинках для тайного голосования определялось и этим праздничным настроением, и не всегда сознаваемым, но тем не менее неизбывным страхом перед всевидящим оком системы. Поэтому массовым явлением еще с 1937 г. было то, что избиратель предпочитал не терять время на заход в кабинку, а, получив на руки бюллетень, тут же направиться с ним к урне и опустить его туда, часто даже не читая.

Но устраивать ежедневные празднества с хлебом и зрелищами власть не могла. Поддержание статуса сверхдержавы и лидера социалистического лагеря требовало немалых усилий и огромных расходов. 1 июня 1962 г. были значительно повышены розничные цены на мясо и масло. Слухи об этом еще накануне стали распространяться по стране и вызвали сильное волнение. На предприятии п/я № 69 в Горьком шлифовщик Чуркин говорил своим товарищам:

– Если так будет, то надо всем написать плакаты и пойти к обкому партии.

Его поддержал другой рабочий, Петров:

– Хочешь, не хочешь – пойдешь, ведь заработки снижают, а жить надо{1893}.

В субботу 1 июня 1962 г. о повышении розничных цен на мясо (на 30%) и молоко (на 25%) было объявлено официально. Одновременно газеты опубликовали обращение ЦК КПСС и Совета министров СССР «Ко всему советскому народу», в котором разъяснялась необходимость этой меры: себестоимость мясо-молочной продукции в колхозах составляет 88 рублей за тонну, тогда как государственные закупочные цены на нее – только 59 рублей, они отныне повышаются до 90 рублей, то есть на 35%, а нужные для этого огромные средства нельзя взять ни за счет сокращения расходов на оборону, ни за счет уменьшения капиталовложений в тяжелую промышленность{1894}.

Как встретила страна это известие? Если верить газетным отчетам, то с пониманием и

одобрением, причем поголовным. Более осторожным были в своей информации чекисты. Заверяя высшее партийное руководство в том, что «многие советские люди одобрительно отзываются о решении партии и правительства, говорят, что это нужное и хорошее мероприятие», председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный в то же время вынужден был признать, что наряду с этим имели место «политически неправильные, обывательского и враждебного характера высказывания». Так, дежурная по перрону Павелецкого вокзала Михайлова говорила:

– Если бы разрешили рабочим и крестьянам иметь скот и разводить его, то этого бы не случилось, мясных продуктов было бы сейчас достаточно.

Такое же мнение высказывал в механических мастерских Всесоюзного электротехнического института им. Ленина бригадир Зоков:

– Индивидуальных коров порезали, телят не растят. Откуда же будет мясо?

Старший инженер главка «Моспромстройматериалы» Местечкин недоумевал:

– Все плохое валят на Сталина, говорят, что его политика развалила сельское хозяйство. Но неужели за то время, которое прошло после его смерти, нельзя было восстановить сельское хозяйство? Нет, в развале лежат более глубокие корни, о которых, очевидно, говорить нельзя.

По-иному объяснял сложившуюся ситуацию аппаратчик Московского завода углекислоты Азовский:

– Наше правительство раздает подарки, кормит других, а сейчас самим нечего есть. Вот теперь за счет рабочих хотят выйти из создавшегося положения.

Заслуженный артист РСФСР Заславский говорил:

– Мы от этого мероприятия не умрем, но стыдно перед границей. Хотя бы молчали, что мы уже обгоняем Америку. Противно слушать наш громкоговоритель целый день о том, что мы, мы, мы, – все это беспредельное хвастовство {1895}.

Уже 1 июня, сразу же после опубликования постановления о повышении цен, в ряде городов появились листовки и надписи, которые чекисты отнесли к числу антисоветских. «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра?» – читали москвичи, проходя мимо одного из домов на улице Горького. «Бороться за свои права и снижение цен» призывала листовка, наклеенная на Сиреневом бульваре. Появление подобных листовок было зафиксировано в Павловом Посаде и Загорске, а также в одном из районов Ленинграда. В Донецке на телеграфный столб прикрепили листовку с надписью: «Нас обманывали и обманывают. Будем бороться за справедливость!». Аналогичную надпись нашли на заводе шахтного оборудования в Днепропетровске. На заводе «Сиблитмаш» в Новосибирске раздавались призывы подняться «на протест против новых цен». А рабочий предприятия почтовый ящик № 20 в Выборге Карпов прикрепил к себе на грудь надпись «Долой новые цены!» и пытался пройти с нею по городу {1896}. На Магнитогорском металлургическом комбинате конструкторы Симонова и Андреева «высказывались в том смысле, что, если бы рабочие по примеру Запада забастовали, то сразу бы отменили повышение цен». На Ивановском хлопчатобумажном комбинате ткачиха Жаворонкова призывала своих товарок:

– Хватит заниматься разговорами! Надо остановить станки {1897}.

В паровозном депо станции Тамбов рабочий Плотников написал мелом: «Требуем повышения зарплаты!». На заводе им. Октябрьской революции в Минске слесарь Комоцкий склонял рабочих своей смены прекратить работу, заявляя:

– Надо бить коммунистов! Они довели до такого состояния, что начали повышать цены на продовольствие {1898}.

Но то были единичные выступления. В Риге некоему Мизитису удалось собрать у памятника Ленину толпу в несколько десятков человек, выкрикивая «антисоветские измышления» {1899}. В Новочеркасске же властям пришлось иметь дело с гораздо большим числом недовольных. Там уже с утра в цехах Электровозостроительного завода началось бурное обсуждение. К обеденному перерыву перед зданием администрации митинговало до тысячи рабочих. Спустя некоторое время они разобрали забор, отделяющий завод от железнодорожного полотна, остановили пассажирский поезд, следовавший из Саратова, высадили машиниста, отказавшегося дать сигнал тревоги, и стали делать это сами. Вскоре здесь собралось еще две тысячи человек, бросивших работу. На вагонах появились надписи: «Мяса,

масла, повышения зарплаты». Не приступила к работе и вторая, вечерняя смена {1900}.

Ничего хорошего не сулило властям и утро следующего, воскресного дня 2 июня. Между тем, газета «Правда» за этот день открывалась передовицей, озаглавленной «Советские люди заявляют: Это необходимая мера». А на второй странице публиковала два отклика: письмо 4 рабочих завода «Уралмаш» и письмо московской домохозяйки. Однако все было не так однозначно. Листовки с призывом к забастовке появились в Измаиле, надписи «клеветнического содержания» – в Минске. В рабочем поселке Херсонского судостроительного завода обнаружен металлический лист, на котором большими буквами электросваркой выведены, с одной стороны, – призыв не покупать мясные изделия до снижения цен на них, а с другой, – «злая надпись в адрес одного из руководителей партии и советского правительства» {1901}. На железнодорожных путях станции Челябинск ночью было разбросано 9 листовок с текстом: «Долой позорное решение правительства! С 4-го забастовка!». 5 листовок, «содержащих выпад против одного из руководителей партии и правительства» обнаружили в Могоче (Читинская область). Надпись «аналогичного содержания» была учинена на стене в помещении КБ-1 в Москве {1902}. Антисоветские надписи появлялись в Челябинске, Донецке, Тамбове {1903}.

С началом утренней смены в тех предприятиях, учреждениях и организациях, что работали по непрерывному графику, то есть без выходных, партийцы были кинуты на разъяснение принятых решений. Но то тут, то там происходили сбои. В аэропорту Внуково один его сотрудник, Лапин, заявил:

– Нужно собраться на Красной площади и потребовать отмены постановления.

На железнодорожной станции Нижний Тагил помощник машиниста Мазур говорил:

– При нынешнем правительстве хорошего ждать нечего. Необходимо сделать забастовку и потребовать улучшения жизненных условий.

На Петровско-Забайкальском металлургическом заводе рабочий Тимофеев при обсуждении обращения ЦК и Совмина выкрикнул в присутствии 100 человек:

– Нужно иметь автомат и перестрелять всех! {1904}. Продавщица Сазонова в торговом киоске на станции Хабаровск кричала своим покупателям:

– Вы, коммунисты, чего же молчите? «Власть народная!» Давайте делайте переворот! {1905}

А в Новочеркаске 5000 рабочих Электровозостроительного и других заводов направились в центр города, неся впереди колонны портрет Ленина и цветы. Преодолев на своем 6-километровом пути три барьера из танков, автомашин и солдат, они устроили митинг перед бывшим атаманским дворцом, в котором теперь размещались горком партии и горисполком. К ним присоединились тысячи горожан. Два десятка их представителей проникли во дворец, но никого там не обнаружив, вышли на балкон и стали произносить речи. И тут раздались выстрелы... При подавлении беспорядков было убито не менее 20 человек. Еще 116 были осуждены потом по уголовным делам {1906}.

Рабочий класс, который КПСС официально считала своей основной социальной базой, все более и более дистанцировался от нее.

Характерно, что Хрущев – большой любитель разъезжать по стране, проводить различного рода совещания, давать советы и рекомендации, постоянно находиться «в гуще народа» – в Новочеркасске не поехал, отправив туда Ф.Р. Козлова и А.И. Микояна. Это не значит, однако, что он полностью проигнорировал этот тревожный сигнал. По его указанию было проведено специальное обследование бюджетов семей рабочих и колхозников для выяснения того, как повышение цен сказалось на уровне потребления продуктов питания, на доходах и расходах населения. ЦСУ СССР выяснило, что в июле – сентябре 1962 г. потребление мясопродуктов в семьях промышленных рабочих уменьшилось на 3%, молока и молочных продуктов – на 10%, что компенсировалось ростом потребления рыбы, растительного масла и яиц на 2-12%. Эти изменения в структуре потребления продуктов питания в большей степени были характерны для семей со сравнительно низкими доходами на члена семьи. Расходы на покупку непродовольственных товаров у промышленных рабочих остались почти на прежнем уровне. Зато они возросли у колхозников. Это и не удивительно. Ведь их доходы от продажи мясо-молочной продукции на рынках увеличились на 17%. Их

семьи стали больше потреблять мяса (на 7%) и сахара (на 19%). Историк аграрной политики того времени И.Е. Зеленин отмечает в связи с этим, что, «пожалуй, это единственная в советской истории правительственная акция, которая проводилась прежде всего в интересах крестьянства, деревни и с совершенно очевидными потерями для рабочего класса, горожан»{1907}.

Но с пониманием к официальным заявлениям о необходимости и временности повышения цен на мясо-молочные изделия отнеслись только 24% опрошенных в 1998 г. и 26% опрошенных в 1999 г.

Считала этот шаг необходимым научная сотрудница ВНИИ экономики сельского хозяйства В.Ф. Полянская, сама участвовавшая в работе по определению себестоимости и уровня цен на сельскохозяйственную продукцию. «Цены были просто смешными», – говорила она{1908}. Ценовая политика до этого была «необъективной», соглашался М.М. Панкратов, учитель из Реутово, а сельское хозяйство требовало заботы о себе{1909}. Необходимым и не таким уж значительным назвала повышение цен продавщица из Подлипков О.Г. Михайлова{1910}. «А как не поверить? – говорила Г.Н. Стецюра из поселка Удыч в Тепликском районе Винницкой области. – Ведь масла-то не было, из Киева везли»{1911}. «Цены не могут быть заморожены», – согласен был А.М. Семенов, секретарь Коробовского райкома партии (в Белоруссии) по сельскому хозяйству{1912}. «Порассуждав и разложив все по полочкам, решили, что есть необходимость в повышении цен», – говорила М.Я. Шепелева, снабженец с завода «Красный пролетарий» в Москве{1913}. «Это экономически необходимо», – согласны были А.И. Митяев, инженер ОРГ «Алмаз» в Москве{1914}, и М.М. Гурен, инженер комбината «Тулауголь» в Новомосковске{1915}. «Надо было так сделать», – соглашалась и студентка МАДИ Т.Ф. Тараканова{1916}. «Это вызвано необходимостью, так как крестьяне стали беднее», – думал А.А. Налимов из подмосковной Ивантеевки{1917}. «Считали, что если продукты подорожают, то их больше будут производить», – вспоминает П.И. Кондратьева, работавшая тогда учительницей в Новгородской области{1918}.

Работница Дрезненской фаянсовой фабрики О.В. Фоменкова рассуждала так: «Коль обещали построить коммунизм, то это, видимо, является временной мерой. Если нужно, значит нужно»{1919}. Молодой была (25 лет) Н.И. Завереева, шлифовальщица Красногорского оптико-механического завода, и не так остро восприняла повышение цен: «Уверены были, что это не надолго»{1920}. Поверили, что это временная мера, московские домохозяйки М.Д. Гребенникова{1921} и А.А. Гумилевская{1922}. «Обещали на 3 года», – помнят водитель автоколонны 1783 в Ногинске В.А. Кусайко и рабочая Ногинского завода топливной аппаратуры М.В. Есина{1923}. «Верили, что все наладится», по словам заведующей отделом кадров Ефремовского строительного треста Р.П. Пономаревой{1924}.

«Надо, так надо», – соглашалась рабочая Клинского комбината «Химволокно» партийная активистка В.Г. Трофимова{1925}. «Видно, нет другого выхода», – соглашался инженер Ромненского машиностроительного завода Л.Ю. Бронштейн{1926}. «А что, иначе могло быть?» – вопросом на вопрос отвечала Н.А. Торгашева из Рузаевки в Мордовии{1927}. «Верили всему», по словам Л.П. Костаревой, строительной рабочей из Мытищ{1928}. «Мы слепо верили нашему правительству», – говорил О.Г. Филин, электрик из колхоза «Красное пламя» в Московской области{1929}. «Раз правительство решило, значит надо», – говорила рабочая Е.П. Паршина со станции 207-й км Северной железной дороги{1930}.

«Хрущеву тогда верило большинство», – утверждает И.И. Парамонов, слесарь одного из депо Московского железнодорожного узла{1931}. «Когда Хрущев поругался с Китаем, то продуктов не было, и когда повысили цены, обрадовались, что будет хоть что-то», вспоминала Л.В. Борзова, инженер закрытого машиностроительного завода в Красноярске{1932}. Если бы Хрущев не был через два года отправлен на пенсию, то он выполнил бы свое обещание, – убежден Н.И. Лепеха, работавший в Управлении 10-А Мосметростроя{1933}. «Хрущев сказал, что это не надолго, на год, и сначала ему поверили, а потом проклинали», – вспоминала еще одна московская домохозяйка М.А. Ширинкина{1934}.

Повышение розничных цен на мясо и молоко должно было возместить повышение закупочных цен на эти продукты, а это «колхозники восприняли с удовольствием», – говорил инструктор Лотошинского райкома КПСС А.Ф. Татаринцев{1935}. «Крестьянин обрадовался,

так как до этого мясо сдавали фактически бесплатно, а теперь за деньги», – признавалась колхозница Н.Г. Краснощекова из деревни Сосновка в Козловском районе Мордовии {1936}.

Необходимость повышения цен была очевидна для инженера Московского автомобильного завода им. Лихачева Е.Д. Можейко, но вызвана она была, по его убеждению, «ошибками руководства страной» {1937}. Правильным считал повышение цен работник Сельхозтехники в Восточном Казахстане Б.С. Суворов, но сельское хозяйство этих денег, по его утверждению, не увидело {1938}. С пониманием отнесся к повышению цен офицер В.А. Ларьков: «Ведь продолжается противостояние двух блоков!» {1939}. «Все думали, что это временное явление, так как стране нужны деньги на оборону», – вспоминала медсестра в детских яслях при заводе «Красный пролетарий» Е.В. Федулеева {1940}.

Поверить-то поверили, но сами при этом были возмущены от 2 до 10, 5% опрошенных.

«Плохо реагировала» учительница Власовской школы в Раменском районе А.Ф. Алифанова: «Зарплата низкая, а цены растут!» {1941}. Станным после всех заявлений о том, что вот-вот догоним, нашел этот шаг разнорабочий предприятия п/я 577 в Химках В.И. Лаврухин {1942}. «В основном свое возмущение высказывали друг другу на кухне», – вспоминала московская домохозяйка М.Д. Гребенникова {1943}. «Посудачили на кухне», по словам экономиста «Экспортльна» Е.В. Корниенко {1944}.

Не поверили соответственно 34 и 34% опрошенных.

Возникали большие сомнения у В.М. Быстрицкой из Госкомитета по оборонной технике {1945}. «Неверие в то, что это стимулирует сельскохозяйственное производство», было у Г.И. Потапова, научного сотрудника Всесоюзного заочного политехнического института {1946}. «Не верили, что это необходимо», – вспоминала Л.Н. Москвитина, техник Союздорпроекта {1947}. Попытку выправить создавшееся положение за счет трудящихся (все выдержат) увидела в этом учительница истории М.Г. Сенчина из Больших Вязем в Одинцовском районе, коммунистка {1948}. «Охмуриловка Хрущева», – так отзывался рабочий предприятия п/я 2346 в Москве И.Т. Елисеев {1949}. «Мяса в стране много», – утверждал П.Д. Ковалев, сам работавший на бойне Московского мясокомбината им. Микояна {1950}.

«Не считали это необходимым», по словам Н.П. Живулиной, учительницы из Можайска {1951}. Никакой необходимости в этом не видела А.А. Кузовлева, работница Серпуховской ситценабивной фабрики, член КПСС {1952}. «Неужели это очередной шаг к созданию общества всеобщего благоденствия?» – вопрошал офицер СА Э.В. Живило {1953}.

«Мы были приучены Сталиным к ежегодному снижению цен», – замечал С.Ф. Хромов из предприятия п/я 17 во Фрязино {1954}. Ждала понижения цен, а дождалась совершенно иного, рабочая Московского электрозавода им. Куйбышева Л.П. Агеева, причем «обещали повысить только на 10%, а повысили почти на 20% (чайная колбаса стоила 1 рубль 30 копеек, а стала 1 рубль 70 копеек)». Не поверила она и во временность этой меры {1955}. Недоумевал прессовщик завода «Серп и молот» П.Г. Филатов, почему сразу же после войны цены снижались, а теперь повышаются {1956}. «При Сталине привыкли к снижению цен», – напоминала техник в/ч в Щелково-3 М.И. Пскова {1957}. Техник В.Е. Голованов из областного Калининграда, член КПСС, напоминал, как Сталин «в труднейшее время после войны снижал цены», и утверждал, что «если бы Хрущев не развалил сельское хозяйство, не надо было бы повышать цены на мясо» {1958}.

Крахом аграрной политики посчитала этот шаг Т.Г. Малышенко из Баку {1959}. «Логичное следствие сельскохозяйственной политики Хрущева» видел в этом инженер Кореневского завода строительных материалов в Люберцах И.И. Назаров. Рабочий завода № 30 А.И. Кирьянов считал это «следствием того, что Хрущев догонял Америку» {1960}. «Говорили, догоним Америку, и вдруг такое... нет, это не временно», – повторяла за ним официантка одного из московских кафе Н.Н. Сныткова {1961}. «Где вода и где мельница?» – вопрошал инженер П.А. Писарев из города Чехов, напоминая, что только что народу обещали построить коммунизм к 1980 г. {1962}

«Хозяйствовать не умеем и хозяина нет», – был убежден военврач Е.П. Лукин из в/ч 44026 (Загорск-6) {1963}. «Кому-то наверху денег не хватило, решили взять с нас», – рассуждала работница отделения перевозки почты на Ленинградском вокзале в Москве А.Г. Майорова {1964}. Подлинную причину трудностей техник поста 505 Мосэнерго В.М. Доронкин

видел в чрезмерной экономической и финансовой помощи другим странам{1965}. О том же говорил рабочий санатория ВМФ под Солнечногорском Б.С. Егоров: «Хлеб везут в страны Восточной Европы, чтобы они не переметнулись к Западу»{1966}. «В деревне как было плохо, так и осталось, а для государства, наверно, было хорошо», – говорила управляющая совхозным отделением в деревне Стрешневы Горы Лотошинского района П.А. Барабошина{1967}.

Вообще не видела необходимости в этом шаге рабочая Кузнецкого металлургического комбината В.И. Пономарева: «Ведь это ударило по кошелькам многих людей»{1968}. «Нужно быть идиотом, чтобы этому поверить», – полагала врач Л.В. Беляева из горбольницы в Бельцах (Молдавия){1969}. «Больно волновало каждого», – говорила работница Московской обувной фабрики «Буревестник» Г.С. Васильева, – что «нам неправильно оплачивали наш труд»{1970}. Недоумевала московская медсестра В.Д. Семенова: «Почему одновременно не повысили зарплату?»{1971}.

«Значит правительство плохо работает, если возникает необходимость в повышении цен», – был уверен москвич А.В. Шаталин{1972}. «Хрущев ездил по за границам и брал пример с фермерских хозяйств, а у нас такого быть не могло в колхозах», – была убеждена доярка из тульской деревни Зайчевка Т.П. Кищенко{1973}. «Народ не одобрил этого, Хрущева называли дураком», – вспоминал мытищинец В.М. Михайлов{1974}. Была просто против Хрущева и его политики Н.А. Блохи-на, секретарь-машинистка из комбината МВД в Подольске-20{1975}.

В свете подобных высказываний вполне, думается, уместным будет предположить, что давно копившееся недовольство лично Хрущевым и проявившееся в те дни нежелание идти на новые жертвы блокировали привычный механизм доверия к словам и делам власти.

Не коснулось повышение цен соответственно 8 и 4% опрошенных.

Мясо и масло было свое у А.А. Гараниной из деревни Дерюзино (колхоз «Заря») около Загорска: «И вообще покупали мало»{1976}. «Мясо и масло не покупали, все было свое», – вспоминала Т.А. Машкова, доярка из деревни Акулово в Бельковском районе Рязанской области{1977}. «Мясо дома было всегда» у домохозяйки М.М. Луниной из деревни Круглица в Кургинском районе Орловской области{1978}. Свои были продукты у П.Г. Горячева, сотрудника Щелковского районного отдела внутренних дел, жившего в деревне Малые Петрищи{1979}. «Для нас это было незаметно, так как у нас было свое хозяйство», – отмечала Р.И. Бобровникова, бухгалтер «Сельхозтехники» из села Семеновка в Касторненском районе Курской области{1980}. У доярки Р.А. Сиухиной в колхозе Дмитровский Новокузнецкого района Кемеровской области «все было свое, даже хлеб, в магазине покупали только сахар и конфеты»{1981}. «Все свое было» у колхозного бухгалтера З. Г. Егоровой из села Мышенка в Гжатском районе Смоленской области, у колхозника И.Н. Лопатникова из села Ведянцы в Ичалковском районе Мордовии, у работницы Нарофоминского торго Л.Г. Годчиной{1982}.

Это и не удивительно. Личные подсобные хозяйства, несмотря на ширящееся наступление на них со стороны власти, продолжали оставаться основными производителями картофеля и овощей, а также яиц (около 80%), и давали около половины (45-46%) молочной и мясной продукции{1983}. Их владельцы не только обеспечивали себя и свои семьи этой продукцией (а это уже не мало!), но и значительную часть ее продавали на колхозных рынках горожанам. А цены на этих рынках с 1 июня 1962 г. возросли. И не мало.

«Масло покупали в небольших количествах, поэтому не заметили повышения цен», – вспоминала Д.В. Шевцова из Лобни, работавшая в Москве токарем на одном из закрытых военных предприятий{1984}. И до этого «ни масла, ни мяса не видела» работница аптеки в Короче (Курская область) Г.С. Ковтунова{1985}. Уже был обеспеченным человеком драматург В.С. Носов{1986}. Имела возможность приносить домой вторую зарплату, беря заказы на копирование чертежей со стороны, техник ВНИИДмаша И.Д. Костогарова{1987}. Не затронуло офицера в/ч 44026 А.Н. Проценко{1988}. Был в то время на службе в армии А.Г. Гришин{1989}.

Не помнят этого повышения цен соответственно 4 и 3% опрошенных.

В магазин ходил только за водкой и сигаретами шофер В.А. Жаворонков из Загорска-6.{1990} Не помнит такого лаборантка Н.И. Богатикова из того же военного гарнизона{1991}, а также тракторист А.Т. Черняев из совхоза «Коробовский» в Шатурском районе{1992}.

Ответа нет или он не адекватен вопросу у соответственно 24 и 18% опрошенных.

«На все был один ответ», – то ли в шутку, то ли всерьез вспоминал наборщик типографии ЦСУ СССР В.Е. Лисенков: «Партия – наш рулевой. Ей лучше знать»{1993}. «Хозяйство было на жене, обратитесь к ней», – отвечал работник ФИАНа коммунист Л.А. Ипатов{1994}. «Лишь бы не было войны», – боялась медсестра одной из столичных детских поликлиник Н.И. Подгорная{1995}.

От 16 до 18% опрошенных отмечают, что им случалось быть свидетелями открытого недовольства или слышать об этом.

По словам А.И. Григоренко, преподавателя Военно-медицинской академии в Ленинграде, критиковали и жизнь, и деятельность партии: «Хозяина в стране нет, это ясно, зато маразма много». И ждали перемен. «Каких, пока не знали»{1996}. «Все были недовольны», по мнению Н.Д. Кисель, учительницы биологии из Калининграда{1997}. «Недовольство высказывали все», – свидетельствует Ю.О. Конев, инженер из поселка Гайнич в Пермской области{1998}.

«Люди были недовольны и открыто об этом говорили вслух, не боясь, что их за эти слова арестуют», – вспоминал В.И. Пастушков, офицер одной из частей береговой артиллерии Балтийского флота{1999}. «Когда Хрущев приезжал в Ярославль, рабочие хотели его увидеть, собрались, но он тайком уехал», – вспоминает Р.Г. Мелехова, студентка пединститута{2000}. «Конечно, недовольство и даже возмущение было, но быстро утихло», – говорил московский рабочий коммунист Б.А. Глухов{2001}.

О событиях в Темиртау и Новочеркасске от родственников было известно Г.И. Потапову, научному сотруднику Всесоюзного заочного политехнического института{2002}. О событиях в Новочеркасске знал от их участников В.М. Колесник, офицер с противоракетного полигона в Приозерске (Казахстан){2003}. Служивший в то время в армии

А. Г. Гришин общался с другими солдатами, которые были в Новочеркасске и говорили, как подавляли бунт, что стреляли, что было много убитых{2004}. О бунте в Новочеркасске слышали Г.В. Кирич, донецкий шахтер{2005}, И.А. Емшов, зоотехник совхоза «Лермонтовский» в Пензенской области («русские не стреляли, стреляли “черные”, командир застрелился»){2006}. О событиях в Муроме слышала москвичка В. А. Козочкина{2007}.

«Знали факты», – утверждала инженер ВЭТИ им. Кржижановского Л.П. Смирнова{2008}. От сослуживцев слышал солдат СА А.Т. Волков о том, что войска подавляли голодные бунты где-то на севере{2009}. О каких-то волнениях на ЗиЛе и арестах зачинщиков помнит московский шофер П.И. Северин{2010}.

«В городах, конечно, возмущались, говорили на тех, кто приезжал из деревни на рынок: «Вот, мешочники приехали!»», – вспоминал колхозный механизатор из села Мишенка в Гжатском районе Смоленской области{2011}.

Не приходилось ни видеть, ни слышать ничего подобного 37-40,5% опрошенных.

Недовольства вообще не было, считал А.П. Дьячков, рабочий совхоза «Зендиково» в Каширском районе, так как «сильных повышений не было»{2012}. Открытого недовольства не было, утверждает Е.В. Наливайкина, бухгалтер завода «Ростсельмаш»{2013}, что в часе езды от Новочеркасска. Не видела уж очень большого недовольства Н.И. Завереева, шлифовальщица Красногорского оптико-механического завода: «Власть поругивали про себя да в семье, я ее всю жизнь ругаю»{2014}.

«Открытого недовольства не было, но это не понравилось и пошатнуло веру в коммунизм», – замечает В.В. Филиппова, учительница из Ельца{2015}. «Народ роптал, но открыто не выступал», – объяснял А.Ф. Быков, офицер из Калининграда{2016}. На улице не видел такого А.М. Зенин, инженер из Лыткарина: «Недовольство выражали в кругу семьи и друзей»{2017}. «Нельзя было», – говорила В.С. Борисова, работница завода «Динамо»{2018}. По свидетельству М.Н. Лепинко, радиотехника из Военно-морской академии им. Крылова в Ленинграде, «между собой люди недовольно говорили, что раньше было снижение за снижением, а тут повышение»{2019}. «При разговорах один на один все высказывали отрицательное мнение, критиковали, а на собраниях никто не выступил бы никогда», – констатировал В.Т. Гришаев, совхозный ветеринар из села Николавка в Косторненском районе Курской области{2020}. «Народ был приучен молчать, и все принималось как должное», – замечала Л.И. Брикман из Всесоюзного института дезинфекции и стерилизации{2021}.

Говорили о том, что нужно заводить свое подсобное хозяйство, – вспоминала работница ЦУМа В.В. Кочаткова {2022}.

Ответа нет или он неадекватен вопросу у соответственно 20 и 16% опрошенных.